

УДК 340.12

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО – СОЦИОЮРИДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩНОСТНЫХ ЧЕРТ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

© 2018 г.

Н.С. Нижник

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, Санкт-Петербург

n.nishnik@bk.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

Предметом исследования явилось теоретическое наследие российских полицейстов второй половины XIX – начала XX в., акцентировавших свое внимание на природе и сущности полицейского государства и выявлении особенностей его организации и функционирования. Отмечено, что целью полицейского государства отечественные полицейсты определяли достижение всеобщего блага. Попытки достичь поставленную перед полицейским государством цель привели к всесторонней регламентации народной жизни, фактическому пренебрежению интересами народа. Современное государство, имеющее дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства в сфере организации и деятельности полиции, продолжает опираться на идею безопасности, разработанную полицейстами, и предпринимает попытки находить новые способы извлечения богатства для наилучшего распределения благ.

Ключевые слова: полицейское государство, полицейская деятельность, полицейско-правовая теория, полицейстика, Российская империя, российские полицейсты, эвдемонизм, тотальная регламентация, принудительное единомыслие.

Трансформация современного государства актуализирует познание эволюционного развития государства и вновь обращает внимание на природу и социальную сущность полицейского государства и его роль в становлении государства правового.

Полицейское государство – исторический феномен. Традиции изучения полицейского государства в зарубежной и отечественной науке развиваются в достаточной степени обособленно, не исключая при этом взаимного влияния, осуществлявшегося на разных этапах развития юридической науки. Важный вклад в изучение полицейского государства, специфики его организации и функционирования внесли российские полицейсты, посвятившие свои исследования выявлению детерминант становления полицейского государства, определению его сущностных черт, характеристике взаимоотношений государства, общества и личности в полицейском государстве, определению места и роли полиции в управлении полицейским государством.

Российская полицейстика – важная страница истории отечественной политико-правовой мысли. Становление и развитие полицейско-правовой теории в России с XVII в. прошло несколько этапов. В середине XIX – начале XX в. полицейское право представляло собой самостоятельную национальную юридическую науку, в рамках которой вопросы, касающиеся специфики полицейской деятельности, характери-

стики полиции как административного органа, определения пределов использования государственными органами мер принуждения, были центральными.

Во второй половине XIX – начале XX в. полицейско-правовая теория в России была представлена плеядой блестящих исследователей, в числе которых: И.Е. Андреевский, А.Я. Антонович, Н.Н. Белявский, Э.Н. Берендтс, Н.Х. Бунге, С.В. Ведров, В.М. Гессен, Н.А. Грифцов, В.Ф. Дерюжинский, А.И. Елистратов, В.В. Ивановский, В.Г. Иозефе, В.Н. Лешков, В.Ф. Левитский, А.Е. Назимов, Г.Ф. Симоненко, Я.С. Степанов, И.Т. Тарасов, А.А. Трифонов, А.И. Чупров, П.Н. Шеймин, М.М. Шпилевский, Н.Д. Яворский, И.И. Янжул. Своими научными изысканиями, государственной и общественной деятельностью российские ученые предпринимали попытки осмыслить и решить проблемы практики государственного управления в полицейском государстве, комплексно охарактеризовать полицейское государство и специфику его функционирования.

Теоретическое наследие российских полицейстов до настоящего времени не осмыслено должным образом. Но их работы и сегодня позволяют выявить сущностные черты классического полицейского государства, интерес к которому в условиях возрастания роли государства в регулировании общественных отношений в XXI в. значительно вырос.

Детерминанты становления полицейского государства

Политико-правовая реальность XVII–XIX вв. в Западной Европе и России в научной литературе получила название «полицейское государство». Становление полицейского государства происходило в условиях закрепления в государствах Западной Европы новой формы правления – абсолютной монархии. Установление абсолютизма было детерминировано преобразованиями социально-экономической жизни общества и зарождением капиталистических отношений. Королевская власть, получив поддержку различных социальных слоев для трансформации государства, всю власть сосредоточила в своих руках.

Одной из первых законченную форму приобрела абсолютная монархия во Франции. К началу XVI в. вся полнота законодательной, исполнительной, военной и судебной власти оказалась сосредоточенной в руках короля – наследного главы государства. Королю подчинялись армия, административные, судебные, финансовые органы. Беспрекословно подчиняться королю должны были и люди, проживавшие на территории государства и получившие статус подданных. В XVI–XVIII вв. абсолютизм утвердился и в других западноевропейских государствах [1, с. 57–58], к концу XVII в. – в России.

Когда монарх стал носителем независимой и верховной власти над всем населением страны в пределах государственной территории, ему понадобились средства, чтобы поддерживать и укреплять власть над подданными. Для реализации таких целей начала использоваться полицейская деятельность [2, с. 9–10], которая была направлена на обеспечение королевской властью порядка, безопасности и благосостояния внутри страны. Ранее внутренняя безопасность и благосостояние были предметом заботы не государственной власти, а заинтересованных общественных объединений (церкви, горожан, отдельных влиятельных персон); государственная власть обеспечивала охрану независимости страны от внешних врагов. Укрепляясь внутри государства, монарх оказался перед необходимостью взять в свои руки заботу и о внутренней безопасности и благосостоянии. Усиливая свое могущество, своим вмешательством во внутреннюю жизнь общества он фактически подавлял частную инициативу феодалов, церкви и городов [3, с. 38].

Совокупность мер, принимаемых королевской властью для укрепления порядка, благосостояния и общественной нравственности, получила название «полиция». Именно такой смысл вкладывался в понятие «полиция» во

французских эдиктах и ордонансах конца XIV – начала XVI в. (понятия «police», «policité» были введены в оборот в законодательстве короля Франции Карла VI («pour le bien et utilite de la chose publique et de la policite de la dicte ville» (1399 г.); «pour garder le bien publique... en tres bonne police» (1415 г.)) [4]. С конца XVI столетия слово «полиция» в этом значении получило применение в Германии (использование слова «Policzey» зафиксировано в распоряжении епископа Вюрцбурга 1476 г.), где оформилось учение о *ius politiae*: государь каждого княжества не только имел право, но был обязан заботиться о «gute Ordnung» («добром порядке») в своих владениях. Именно в этом смысле выражение «gute Policey» использовалось для характеристики хорошего управления как такового. И Нюрнбергское предписание 1492 г., начинавшееся словами «Для поддержания доброго порядка (gute Polizey)...», и имперская резолюция (Reichsabschied) Аугсбургского рейхстага «Römischer kayserlicher Majestät Ordnung und Reformation guter Polizey im Heiligen Römischen Reich» (1530 г.) использовали понятие «полиция» в значении «состояние благополучия и спокойствия, являвшееся целью и результатом правильного управления» [5, S. 41]. Слово «полиция» получило широкое применение в нормативных актах разного уровня для формулировки предписаний, касающихся различных сторон обывательской жизни. Понятием «полиция» в имперских полицейских регламентах XVI в. обозначали постановления о водворении в стране порядка и безопасности, об улучшении нравов, об ограничении роскоши и подъеме народного благосостояния, об учреждении опеки, о некоторых проступках, о порядке судопроизводства и др. [3, с. 11].

Законодательная, судебная, административная деятельность государственного аппарата, направленная на регулирование отношений отдельных подданных и негосударственных социальных структур, получила название полицейской. Эта деятельность носила принудительный характер [3, с. 9–10], поэтому для ее осуществления начала формироваться система специализированных полицейских государственных органов, компетенция которых охватывала практически все области деятельности государства внутри страны [6, предисловие, с. 6]. В силу роста значимости деятельности полиции, ставшей фактической реализацией идеи тотального регулирования государством всех сторон общественной жизни, явившейся центральным звеном государственного управления и приобретшей всеобъемлющий характер, государство получило наименование полицейского [3, с. 9–10].

Эвдемонизм – идейная основа полицейского государства

Идейной основой теории и практики полицейского государства стала эвдемонистическая философия [7, с. 236–242; 8, с. 252–253], объясняющая поведение человека его стремлением к счастью. Главной целью полиции определялось достижение благополучия, «удобства и спокойствия» [9], увеличение совокупного достояния государства и счастья его жителей [10, S. 7–8; 11, S. 6]. Главной целью государства – всеобщее счастье. Исходившие из утверждения Аристотеля о том, что люди объединяются в политические сообщества не просто ради жизни, а для благой жизни [12, 1252b. 30.], идеологи полицейского государства благо толковали как счастье, счастье – как удовольствие, на основании чего полицейское государство, стремящееся ко всеобщему счастью, можно назвать гедонистическим [13, с. 330]. Философия эвдемонизма, получившая обоснование в трактатах Х. Томазия [14], Х. фон Вольфа [15], И.Г. фон Юсти [10; 11], в эпоху Просвещенного абсолютизма превратилась в идейную основу системы управления, стала теоретическим оправданием безграничного расширения сферы государственной деятельности, закрепив за собой статус классической теории абсолютизма и полицейского государства [16, с. 3].

Тотальная регламентация общественной жизни – атрибут полицейского государства

Мысль о том, что цель государства – достижение всеобщего блага может быть достигнута только посредством всесторонней регламентации общественной жизни, сомнению не подвергалась. Монарх-«благодетель» по отношению к своим подданным занял позицию опекуна, уверенного в невозможности опекаемых понять содержание собственного счастья и определить должное/недолжное. Такая позиция получила выражение в изречении Фридриха Великого: «Народу, как больному ребенку, надо указывать, что он должен есть и пить» [1, с. 59]. Основой таких отношений монарха и подданных, по справедливому замечанию доктора полицейского права А.И. Елистратова, были тьма и невежество, «опутавшие» широкие слои населения [3, с. 40]. Что является народным благом, а что не может им считаться, решал монарх, а не народ. Представления о народном благоденствии были настолько широкими и неопределенными, что ссылкой на всеобщее счастье могло быть оправдано любое посягательство на важнейшие и высшие блага индивидуальной жизни [17, с. 176]. Под предлогом достижения общего блага всякое вторжение в сферу индивидуальных прав признавалось правомерным, а регламентация общественной жизни – оправданной.

На практике регламентация мельчайших подробностей жизни общества приобретала тотальный характер. Государство предпринимало попытки заботиться обо всем: о наличии средств для жизни у каждого подданного, об уровне цен на предметы потребления, о развлечениях и народных празднествах, о том, что обыватель должен есть, во что одеваться, в каком виде выходить на улицу, какими обладать добродетелями, как жить и о чем думать [18, с. 22]. За тем, чтобы граждане были набожны и добродетельны и соблюдали установленные порядки, государство должно было следить, широко используя методы принуждения [19, с. 5]. Тотальная регламентация в полицейском государстве фактически подавляла личную инициативу и самостоятельность населения.

«Во все углы и подробности» народной жизни должна была проникать полицейская опека, подчеркивал А.И. Елистратов, объяснявший это тем, что ни при каком опекуне «самопроизвольное повиновение» подданных не происходит, что при любых, даже «самых мудрейших, законах» полиции монарх различными средствами должен обеспечивать «невозможность сопротивления» подданных во всех сферах общественной жизни [2, с. 12–13]. Именно поэтому в программу достижения всеобщего счастья монархи свободу личности, образование и приобщение к иным достижениям культуры широких слоев населения не включали, инициативу и самостоятельность индивида не приветствовали. В контексте такого подхода И. фон Зонненфельс рекомендовал обучать население чтению, письму и арифметике лишь только в той мере, в какой это было необходимо для замещения образованными людьми должностей государственной службы [20, § 127]. Подъем общественного самосознания и самоорганизации не только не составлял задач полицейского государства, но и противоречил одному из основных требований благочиния [21, с. 39–40].

Необходимость участия государства в жизни каждой личности в полицейском государстве получила аргументированное обоснование: «когда силы и средства отдельных лиц и их соединений недостаточны для удовлетворения индивида в существовании, достойном человека», нужна поддержка со стороны государства [22, с. 23]; в различных сферах общественной жизни государство организует «публичные службы» [23, с. 26, 56], которые занимаются санитарным и медицинским делом, народным образованием, призрением бедных, устройством путей сообщения, почтой и телеграфом, страхованием населения [22, с. 23].

Несмотря на распространенность представлений о закономерности и неизбежности тотальной регламентации общественной жизни, эти идеи не оставались вне критики: на отсутствие всякой меры, всяких внутренних границ в эвдемонистической теории обращал внимание Г. Еллинек, пагубность безграничного расширения сферы государственной деятельности подчеркивал В.М. Гессен. Только путем «расчленения конкретных задач государства» можно было добиться прогрессивного развития в условиях тотальной регламентации общественной жизни, полагал Г. Еллинек, однако, констатировал он, основатели и последователи абстрактной теории эвдемонизма эту проблему решить так и не смогли [17, с. 177].

Гипертрофия власти и бюрократия в полицейском государстве

Неограниченная власть монарха в полицейском государстве по своей природе и проявлениям представляет собой господскую власть, чуждую обязанности действовать в интересах подвластных [24, с. 32]. Б.А. Кистяковский подчеркивал, что полицейскому государству свойственна гипертрофия властвования: преследуются только интересы власти, совершенно игнорируются интересы подданных, все сводится к властвованию, повиновению и требованию беспрекословного подчинения [25, с. 443]. Обоснованием гипертрофии власти была идея о том, что власть должна охранять граждан даже от их собственных действий, ибо сам Бог вручил ей охрану и частных, и общих интересов [26, с. 101]. Отсюда, по заключению В.М. Гессена, проистекала «омnipотенция государственной власти, при которой всякая граница между сферой индивидуальной свободы и государственного вмешательства стирается, важно для государства приносится в жертву необходимое для индивида» [19, с. 6].

Вся власть сосредоточивалась в руках абсолютного монарха. Государственная власть была недифференцирована: законодательная и правительственная деятельность концентрировалась в одних руках (монархи были единоличными носителями законодательной власти, продолжали разрешать административные и некоторые судебные дела). В руках монарха сосредоточивалась правотворческая, административная и судебная деятельность [27, с. 588], которая приобретала надзаконный характер [28, с. 3], а административные органы получали свободу от различных правовых ограничений и широкую дискреционность [29, с. 5]. Издание всякой нормы, которая могла бы стеснить деятельность правительства, отождествляемого с монархом, приводило к тому, что монарх мог заменить это

правило индивидуальным распоряжением, изданным *ad hoc* [28, с. 5].

Что могло явиться опорой такой власти? Ни на одно сословие монарх опереться не мог. Социальной поддержкой мог стать только особый класс лиц, стоящих вне сословной иерархии, несущих государственную службу, оторванных от общества и обязанных своим положением исключительно монарху. Эти лица образовывали сплоченный класс – бюрократию [30, с. 330] и превращались в послушное орудие в его руках. Признавая закономерность развития бюрократии в правовом государстве, Н.И. Лазаревский обращал внимание на парадокс: при поддержке бюрократии самодержавие монарха превращалось в фикцию, так как в действительности неограниченной властью монарха располагали те лица, которые являлись докладчиками монарха, или те, которые имели право объявлять его волю [27, с. 75].

Власть монарха фактически отождествлялась с властью бюрократии – чиновничества [27, с. 75–76], свободного, как и монарх, от каких-либо законных ограничений [29, с. 5]. В.М. Гессен выделил характерные черты бюрократии полицейского государства [29, с. 15], в числе которых: профессиональный характер бюрократии, наличие специальной университетской подготовки чиновников; оторванность бюрократии от общества, ее неспособность служить общественному делу; олигархичность бюрократии, стремление к замкнутой обособленности, преувеличение достоинств чиновников и преувеличенное пренебрежение к достоинствам остальных людей. Бюрократии чужды перемены, уточнял В.М. Гессен, формой ее существования быстро становится педантократия [29, с. 15]. Неизбежный спутник бюрократии – рутинизм рождает формализм: лучший чиновник – тот, кто лучше всех владеет формой, лучшая бумага – та, что соответствует форме. Бюрократия форму возводит в культ, принося ей в жертву содержание [29, с. 15].

Регламентация отношений между чиновниками и обывателями в полицейском государстве осуществлялась посредством многочисленных законов, которые определяли компетенцию государственных органов, закрепляли полномочия конкретных чиновников, фиксировали объем предоставленной им власти и обязанностей подданных [25, с. 570]. Административный закон, устанавливавший правила управления в полицейском государстве, оформлялся, как правило, в виде инструкций и, не предназначенный для всеобщего сведения, часто оставался неопубликованным [28, с. 8]. Поэтому, когда орган управления превышал свои полномочия или

бездействовал, он нарушал свои обязанности только перед верховной властью, обязанности по отношению к обывателям он не нарушал, так как обыватели никаких прав по отношению к органам управления не имели [28, с. 8]. Получалось, что, несмотря на существование административных законов и детальную регламентацию деятельности органов управления статьями писанных законов [25, с. 570], функционирование администрации в полицейском государстве оставалось не ограниченным никакими законодательными рамками [28, с. 8].

Такая ситуация порождала административный произвол и полицейское насилие. Обеспечение законности, основанное на общественном контроле за деятельностью администрации и свободе критики действий государственных органов, осуществлено быть не могло прежде всего в силу отсутствия в полицейском государстве признания прав и свобод личности [25, с. 562–563]. Предоставление прав и свобод индивидууму, формировавших его независимость и самостоятельность, противоречило сути полицейского государства. Перспективы достижения всеобщего блага и планы формирования общества, не знающего нищеты и сверхбогатства, не сочетались с предоставлением личности права инициативы и возможности самоорганизации, которые способствовали десакрализации власти и утрате ею политической монополии. И хотя в полицейском государстве не допускалась праздность и каждый наделялся обязанностью трудиться, включая «всех нищих и праздных», которых, по предложению И.Т. Посошкова, следовало «вылавливать и отдавать в работные дома, чтобы они учились там какому-либо ремеслу» [31, с. 171], перспектива достижения всеобщего счастья оставалась призрачной, ведущей к созданию не общества благосостояния, а общества коллективной бедности.

Принудительное единомыслие как атрибут полицейского государства

Полицейское государство должно было представлять собой союз, монолитность которого основывалась на психологии единства: каждая личность знала свои обязанности по отношению к государству и была готова подтвердить приоритет общих интересов практическими действиями. Свобода слова и убеждений приносилась в жертву «политической стабильности», атрибутивной чертой полицейского государства становилось единомыслие, имевшее принудительный характер. Утверждению «единомыслия» способствовал институт цензуры, широко распространенный во всех полицейских государствах. Отличать «благонамеренные суждения и умозаключения, основанные на позна-

нии Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрствований, равно противных истинной вере и истинному любомудрию» в России, например, должны были специальные органы [32, ст. 94]. Критика теоретически не запрещалась, но практическое ее осуществление было возможно только при условии, если «в рассуждениях о недостатках и злоупотреблениях администрации и судебных мест не допускается печатание имен лиц и собственного названия мест и учреждений» [32, ст. 98].

Решение задач борьбы за стабильность и единомыслие в полицейском государстве часто осуществлялось посредством доноса, который в повседневной реальности страха и подозрительности приобрел форму гражданской добродетели [2, с. 47].

Несмотря на провозглашение честного труда, порядочности, мира и согласия в качестве жизненных ориентиров населения полицейского государства, политическая элита избирала для себя другие правила [33, с. 368]. Характерной чертой полицейского государства становилась жизнь в системе двойных стандартов.

Полицейское государство – уникальный способ организации политического. В полицейском государстве была предпринята попытка опробовать форму общественного развития, основанную на подчинении одной руководящей политической воле – воле абсолютного монарха, мобилизации ресурсов и концентрации широких полномочий в руках полиции [34, с. 171]; были реализованы техники осуществления власти правителя, в личности которого была воплощена воля государства.

Теория полицейского государства обосновывала стремление ко всеобщему счастью и благоденствию, решению различных социальных проблем, предотвращению нищеты и невежества. Теоретически полицейское государство пыталось сделать жизнь каждого человека достойной, используя при этом своеобразные методы, не сводимые к принуждению и насилию.

Полицейское государство не отличалось устойчивостью. Полиция добивалась лишь «невозможности сопротивления» воле монарха обывателей, обезвреженных мерами благочиния [21, с. 41–42]. Поэтому полицейское государство не могло выступать как прочный базис для дальнейшего государственного и общественного развития. Практика функционирования полицейского государства, результаты реализации полицейской опеки способствовали выработке нового взгляда на цель государства, состоящую не в предоставлении подданным счастья, а в обеспечении торжества идеи права. Новое ви-

дение задач государства, нашедшее выражение в философском учении И. Канта, состояло в том, что заботой государства должно стать правовое разграничение свободы граждан, – безопасность и порядок, а не попечение об их благосостоянии [35, с. 75]. Полицейское государство уступало место правовому государству.

Оценка исторического опыта полицейского государства способна выступить как историко-правовое обоснование для определения стратегического вектора модернизации правовых и организационных основ государства в современной России.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII – первая треть XX в.)».

Список литературы

1. Ивановский В.В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. 539 с.
2. Елистратов А.И. Основные начала административного права. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. 332 с.
3. Елистратов А.И. Учебник русского административного права. Вып. 1. М.: Поставщик Высочайшего Двора Товарищества скоропечатни А.А. Левенсон, 1910. 99 с.
4. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. СПб.: Сенатская типография, 1903. 499 с.
5. Melcher K. Die Geschichte der Polizei. Berlin: Gersbach & Sohn, 1926. 119 S.
6. Гундарин О.Т., Мушкет И.И., Хохлов Е.Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии / Под ред. В.П. Сальникова, Е.Б. Хохлова, А.В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. 168 с.
7. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю., Геворкян Д.С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242.
8. Корнев А.В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии. Опыт ретроспективного анализа. М.: Проспект, 2014. 320 с.
9. [Delamare N.] Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commisnaire du Roy au Châtelet de Paris. Vol. 1–2. Paris: J. et P. Cot, 1705–1710; 2-eme éd. Vol. 1–4. Paris: Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérisant, 1719–1738.
10. Justi J.H.G., von. Grundsätze der Polizeiwissenschaft. Dritte Ausgabe. Göttingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck, 1782.
11. Justi J.H.G., von. Die Grundidee zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der gesamten Polizey-Wissenschaft. Bd. I. Göttingen, 1782.
12. Аристотель. Политика / Пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. М.: АСТ, 2010. 393 с.
13. Филиппов А. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2 (47). С. 328–340.
14. Thomasius Chr. Fundamenta juris naturae et gentium. Halle; Leipzig, 1705.
15. Вольф Х., фон. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. Любителям оной изданы, чрез г. Вольфа королевского шведского высококняжеского гессенского придворного советника, первого профессора математики и философии в Марбурге, профессора гонорарио в Санктпетербурге, Королевского Великобританского. так же Королевского Прусского собрания наук члена. Переведены в 1753 году Б[егичевым] М[атвеем]. СПб.: Тип. Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса, 1765. 304 с.
16. Гессен В.М. Административное право: Лекции. СПб.: Паровая скоропеч. Г. Пожарова, 1903. 240 с.
17. Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. по второму нем. изданию С.И. Гессеном. Кн. II. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. 626 с.
18. Елистратов А.И. Государственное право: Пособие к лекциям. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912. 360 с.
19. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. Вып. 1. СПб., 1908. 335 с.
20. [Зонненфельс И., фон.] Начальные основания полиции или благочиния / Пер. с нем. М. Гаврилова. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1787. 318 с.
21. Елистратов А.И. Учебник русского административного права: Пособие к лекциям. Вып. II. М.: Издатель А.А. Левенсон, 1911. 96 с.
22. Елистратов А.И. Очерк государственного права (Конституционное право). 2-е изд., перераб. М.: Тип. «Мысль», 1915. 167 с.
23. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / Пер. с фр. А. Яценко; предисл. А.С. Алексеева. М.: Н.Н. Ключков, 1909. 148 с.
24. Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 305 с.
25. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.
26. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А.И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. 376 с.

27. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Конституционное право. 3-е изд. Т. I. СПб.: Кн. маг. «Право», 1913. 672 с.
28. Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Пг.: Юрид. кн. скл. «Право», 1918. 439 с.
29. Гессен В.М. Теория правового государства. СПб.: Касса взаимопомощи студентов Санкт-Петерб. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1913. 68 с.
30. Гессен В.М. Вопросы местного самоуправления. СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1904. 244 с.
31. Посошков И.Т. Книга о скудости и о богатстве / Ред., вступ. статьи и прим. Б.Б. Кафенгауза. М.: Соцэкгиз, 1937. 351 с.
32. Устав о цензуре и печати // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. С. 65–96.
33. История государственно-правовых учений: Хрестоматия / Авт.-сост. С.В. Липень; под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: Спарк, 2006. 1071 с.
34. Кильдюшов О.В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 9–40.
35. Кант И. Метафизика нравов: В 2 ч. / Пер. с нем., примеч. С.Я. Шейман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна; вступ. ст. М.М. Филиппова; примеч. А.А. Тахо-Годи. Ч. 1. М.: Мир книги, Литература, 2007. 399 с.

**POLICE STATE AS A SOCIO-LEGAL PHENOMENON:
CHARACTERIZATION OF ESSENTIAL FEATURES
IN THE DOMESTIC POLICE AND LEGAL THEORY**

N.S. Nizhnik

The subject of the study is the theoretical legacy of the Russian police and state theorists of the second half of the nineteenth and of the early twentieth centuries, who focused their attention on the nature and essence of the police state and on identifying the characteristics of its organization and functioning. Domestic police and state theorists emphasized that the goal of the police state was to achieve the common good. Attempts to achieve this goal have resulted in a comprehensive regulation of people's life and in an actual disregard for the interests of the people. The modern state, in dealing with the discursive and institutional legacy of the police state era in the field of police organization and activity, continues to rely on the idea of security developed by the police and state theorists, and is trying to find new ways to get the resources for the best possible distribution of wealth.

Keywords: police state, police activities, police law theory, police and state theory, Russian Empire, Russian police and state theorists, eudemonism, total regulation, compulsory unanimity.

References

- Ivanovskij V.V. Uchebnik administrativnogo prava (Policejskoe pravo. Pravo vnutrennego upravleniya). 3-e izd. Kazan': Tipo-lit. Imp. Kazansk. un-ta, 1908. 539 s.
- Elistratov A.I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. M.: Izd. G.A. Lemana, 1914. 332 s.
- Elistratov A.I. Uchebnik russkogo administrativnogo prava. Vyp. 1. M.: Postavshchik Vysochajshogo Dvora Tovarishchestva skoropechatni A.A. Levenson, 1910. 99 s.
- Deryuzhinskij V.F. Policejskoe pravo. SPb.: Sennatskaya tipografiya, 1903. 499 s.
- Melcher K. Die Geschichte der Polizei. Berlin: Gersbach & Sohn, 1926. 119 S.
- Gundarin O.T., Mushket I.I., Hohlov E.B. Policejskoe (administrativnoe) pravo Rossijskoj imperii: Opyt juridicheskoj bibliografii / Pod red. V.P. Sal'nikova, E.B. Hohlova, A.V. Il'ina. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 1999. 168 s.
- Nizhnik N.S., Dergileva S.Yu., Gevorkyan D.S. Filosofiya ehvdemonizma kak konceptual'naya osnova teorii i praktiki policejskogo gosudarstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 3 (63). S. 236–242.
- Kornev A.V. Gosudarstvo i pravo v kontekste konservativnoj i liberal'noj ideologii. Opyt retrospektivnogo analiza. M.: Prospekt, 2014. 320 s.
- [Delamare N.] Traité de la police où l'on trouvera l'histoire de son établissement, les fonctions et les prérogatives de ses magistrats, toutes les lois et tous les règlements qui la concernent: On y a joint une description historique et topographique de Paris, & huit Plans gravés, qui représentent son ancien Etat, & ses divers accroissements, avec un recueil de tous les statuts et règlements des six corps des marchands, & de toutes les Communautés des Arts & Métiers. Par M. Delamare, Conseiller-Commisnaire du Roy au Châtelet de Paris. Vol. 1–2. Paris: J. et P. Cot, 1705–1710; 2-eme éd. Vol. 1–4. Paris: Chez Michel Brunet et chez J.-F. Hérisant, 1719–1738.
- Justi J.H.G., von. Grundsätze der Polizeiwissenschaft. Dritte Ausgabe. Göttingen: Verlag der Witwe Vandenhoeck, 1782.
- Justi J.H.G., von. Die Grundidee zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der gesamten Polizey-Wissenschaft. Bd. I. Göttingen, 1782.
- Aristotel'. Politika / Per. s drevnegrecheskogo S.A. Zhebeleva, M.L. Gasparova. M.: AST, 2010. 393 s.
- Filippov A. Policejskoe gosudarstvo i vseobshchee blago. K istorii odnoj ideologii. Stat'ya pervaya // Otechestvennye zapiski. 2012. № 2 (47). S. 328–340.
- Thomasius Chr. Fundamenta juris naturae et gentium. Halle; Leipzig, 1705.
- Vol'f H., fon. Razumnye mysli o silah chelovecheskago razuma i ih ispravnom upotreblenii v poznanii pravdy. Lyubitelyam onoj izdany, chrez g. Vol'ffa korolevskago shvedskago vysoko-knyazheskago gessenskago pridvornago sovetnika, pervago professora matematiki i filozofii v Marburge, professora gonorario v Sanktpeterburge, Korolevskago Velikobritanskago. tak zhe Koro-

- levskago Prusskago sobraniya nauk chlena. Perevedeny v 1753 godu B[egichevym] M[atveem]. SPb.: Tip. Artillerijskogo i Inzhenernogo Shlyahetnogo Kadetskogo Korpusa, 1765. 304 s.
16. Gessen V.M. Administrativnoe pravo: Lekcii. SPb.: Parovaya skoropech. G. Pozharova, 1903. 240 s.
17. Ellinek G. Obschchee uchenie o gosudarstve. 2-e izd., ispr. i dop. po vtoromu nem. izdaniyu S.I. Gesenom. Kn. II. SPb.: N.K. Martynov, 1908. 626 s.
18. Elistratov A.I. Gosudarstvennoe pravo: Posobie k lekcijam. M.: Pечатnya A. Snegirevoj, 1912. 360 s.
19. Gessen V.M. Lekcii po policejskomu pravu. Vyp. 1. SPb., 1908. 335 s.
20. [Zonnenfel's I., fon.] Nachal'nye osnovaniya policii ili blagochiniya / Per. s nem. M. Gavrilova. M.: V Universitetskoj tipografii, u N. Novikova, 1787. 318 s.
21. Elistratov A.I. Uchebnik russkogo administrativnogo prava: Posobie k lekcijam. Vyp. II. M.: Izdatel' A.A. Levenson", 1911. 96 s.
22. Elistratov A.I. Ocherk gosudarstvennogo prava (Konstitucionnoe pravo). 2-e izd., pererab. M.: Tip. «Mysl'», 1915. 167 s.
23. Dyugi L. Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva. Lekcii, pročitannye v 1908 g. v Vysshej shkole social'nyh nauk v Parizhe / Per. s fr. A. Yashchenko; predisl. A.S. Alekseeva. M.: N.N. Klochkov, 1909. 148 s.
24. Elistratov A.I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. 2-e izd., ispr. i dop. M.: G.A. Leman i S.I. Saharov, 1917. 305 c.
25. Kistyakovskij B.A. Social'nye nauki i pravo: Ocherki po metodologii social'nyh nauk i obschcej teorii prava. M.: M. i S. Sabashnikov, 1916. 704 s.
26. Nizhnik N.S., Dergileva S.Yu. Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovyh vozzreniyah A.I. Elistratova. M.: Yurlitinform, 2017. 376 s.
27. Lazarevskij N.I. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konstitucionnoe pravo. 3-e izd. T. I. SPb.: Kn. mag. «Pravo», 1913. 672 s.
28. Gessen V.M. Osnovy konstitucionnogo prava. 2-e izd. Pg.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1918. 439 s.
29. Gessen V.M. Teoriya pravovogo gosudarstva. SPb.: Kassa vzaimopomoshchi studentov Sankt-Peterb. politekhn. in-ta imp. Petra Velikogo, 1913. 68 s.
30. Gessen V.M. Voprosy mestnogo samoupravleniya. SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1904. 244 s.
31. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i o bogatstve / Red., vstup. stat'i i prim. B.B. Kafengauza. M.: Socehgiz, 1937. 351 s.
32. Ustav o cenzure i pečati // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. XIV. SPb., 1890. S. 65–96.
33. Istoriya gosudarstvenno-pravovyh uchenij: Hrestomatiya / Avt.-sost. S.V. Lipen'; pod obshch. red. V.V. Lazareva. M.: Spark, 2006. 1071 s.
34. Kil'dyushov O.V. Policiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i policejskoj praktiki // Sociologicheskoe obozrenie. 2013. T. 12. № 3. S. 9–40.
35. Kant I. Metafizika nravov: V 2 ch. / Per. s nem., primech. S.Ya. Shejman-Topshtejn i C.G. Arzakan'yana; vstup. st. M.M. Filippova; primech. A.A. Taho-Godi. Ch. 1. M.: Mir knigi, Literatura, 2007. 399 s.